

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ. ДИСКУССИИ

© 2023 Т. А. Листова

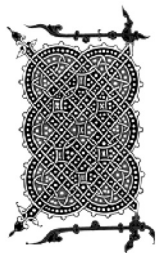
Москва, Россия

© 2023 Г. А. Романов

Москва, Россия

© 2023 О. В. Кириченко

Москва, Россия

СПОР О НАРОДНОЙ ПАРАЛИТУРГИКЕ

Аннотация. Мы помещаем здесь два текста, написанные в качестве отклика на статью Т. А. Листовой «Логика формирования народно-церковных обычаев: чин панагии в современном поминании сорокового дня (российско-белорусско-украинское пограничье)» и рецензию на эту статью Г. А. Романова, опубликованные в 33 номере журнала «Традиции и современность» за 2023 г. Поскольку ни автор, ни рецензент не удовлетворились откликом на высказанную ими позицию, потребовалось продолжить спор по конкретным положениям статьи Т. А. Листовой и рецензии Г. А. Романова.

Ключевые слова: Православие, канон, обычай, панагия, поминание, душа, рецепция, ритуал, паралитургическая народная практика, чин панагии, униатство, искажение православной традиции, русско-белорусско-украинское пограничье.

Ссылка при цитировании: Листова Т. А., Романов Г. А., Кириченко О. В. Спор о народной паралитургии // Традиции и современность. 2023. № 35. С. 95–101

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Листова Татьяна Александровна (Listova Tatjana Alexandrovna) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: listova.ta@mail.ru

Романов Григорий Александрович (Romanov Grigory Alexandrovich) – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора научного православного журнала «Традиции и современность», эл. почта: grirom@list.ru

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Victorovich) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirichenko.oleg.1961@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 35. С. 95–101

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 393.05; ББК – 86.372.24-54; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-35/95-101>

Мы помещаем здесь два текста, написанные в качестве отклика на статью Т. А. Листовой и рецензию на эту статью Г. А. Романова (Листова 2023: 54–67; Романов 2023: 99–102). Поскольку ни автор, ни рецензент не удовлетворились откликом на высказанную ими позицию, потребовалось продолжить спор по конкретным положениям статьи Т. А. Листовой и рецензии Г. А. Романова. Последний выражал позицию редакции журнала, которая сводилась к одному положению: народная паралитургика – это не «священная корова», она, как и все *народное*, имеет право на критическое научное осмысление и оценку с точки зрения церковно-канонической, для нас такой же первичной, как и научная точка зрения. В критическом отклике Т. А. Листовой имеются справедливые возражения на ряд приведенных в рецензии Г. А. Романова неверных исторических данных, касающихся истории унии, с чем, думается, автор рецензии не мог не согласиться. Также не до конца ясна сама предыстория рассматриваемого феномена благословенного богородичного хлеба с выемкой *частии*, что и делает спор двух сторон пока слабо аргументированным. Во всяком случае, мы видим в этом обряде изначальное сосуществование двух практик: церковной и мирской, что указывает на древние, раннехристианские корни этого явления. Приведем здесь одно лишь указание, подтверждающее наше предположение. Это описание праздничного обеда мирян в Грузии в присутствии епископа. Время действия – конец XIX в.: «За обедом мы присутствовали при трогательном обряде, сохранившемся до наших дней с отдаленных времен христианства. Епископу подали блюдо с просфорой. Он разделил ее на мелкие кусочки после молитвословия, призывая на трапезу благословение Богоматери, как бы невидимо с нами присутствующей, скушал кусочек просфоры и передал блюдо ближайшему к нему сидящему. Последний с поклоном вкусил просфоры и, поцеловав край блюда, передал соседу, который сделал то же самое. Блюдо медленно обошло длинный стол, и каждый из нас, крестясь, брал и ел частичку просфоры, соединившей нас на мгновение в совместной молитве и братской трапезе» (Уманец 1904).

Думается, обозначенная проблема (не сам указанный обряд, а паралитургическая народная практика в целом) требует не только выявления фактов, подтверждающих ту или иную авторскую позицию (интерпретацию обряда, именно *обряд*, а не ритуала, как пишет Т. А. Листова), но и ясной идейной позиции ученого, на чем настаивает Г. А. Романов (и редакция с ним солидарна). Например, известно о значительной деградации церковной жизни в тех местах западных регио-

нов Российской империи, где существовала долгое время уния и не было эффективной архиепископской, епископской власти (Знаменский 1996: 378). Этот факт обнаружился уже после окончательного воссоединения в 1839 г. Униатской Церкви с Русской (Российской) Православной. Но также известно, что не само белорусское и украинское православное население, находясь под польской властью, выбрало такой путь, народу он был навязан католической властью и католическими миссионерами: «Не осталось позорного имени, которым не клеймили бы публично православных. Теперь их веру называли уже не просто холопскою верою, но верою арианскою, собачьею. Украина и Белоруссия назывались *partes infidelium* – “странами неверных”; туда отправлялись толпы базилиан и доминиканов, в виде миссионеров, а им на помощь спешили меч и инквизиция» (Тальберг 1994: 651). Активная польская пропаганда, робкая, до времени, позиция Российской власти в отношении защиты православия и русских начал, поддержка ею польской стороны, а не русской народной, – все это в совокупности оказывало негативное влияние на церковную жизнь простого народа (русского, православного) в этом регионе.

Деградация церковной жизни коснулась даже православного богослужения: литургия проводилась на разговорном украинском языке, нередко с отступлением от канонической формы. В такой ситуации «расцвет народной паралитургики» не мог не сопровождаться такими же новшествами. Поэтому необходимо смотреть, на какой почве произрастали те или иные паралитургические плоды, насколько они соответствуют церковным канонам. Изучение отклонений, как и норм, необходимо, но мы не согласны с тем, что *отклонения* обогащали народную культуру, как пишет Т. А. Листова в отклике на рецензию Г. А. Романова: «Принцип изъятия из научных исследований той массы религиозных проявлений, которую церковь однозначно относит к вредным суевериям, порожденным религиозной неграмотностью народа, боязнь их обнаружения и осмысления таит опасность выхолащивания народной религиозной культуры». Проблема широты исследования всех проявлений народной культуры, конечно, для нас существует. Но она существует и для *другой* стороны, которая старается изучать не норму, с точки зрения Церкви, а *отклонения* от нее. И все же наша позиция, как мы видим, более объективна, потому что в сферу нашего исследовательского интереса входят и норма, и отклонения от нее, о чем свидетельствует публикация статьи Т. А. Листовой, а также ряда других статей в журнале. Более того, мы не видим необходимости, допустим, критиковать те явления, которые уже по-

лучили свою критическую оценку и заняли свое место в историографии (к примеру, известные русские секты или опыт Старообрядческой Церкви). Они публикуются у нас вне критической оценки, как научный материал. Необходимость в критической оценке в отношении статьи Т. А. Листовой появилась, во-первых, потому что здесь налицо апологетика «непогрешимости» народной культуры (с чем нельзя согласиться), и во-вторых, потому что это явление еще новое, требующее глубокого научного осмысления.

Редакция журнала «Традиции и современность», главный редактор О. В. Кириченко

ОТКЛИК НА РЕЦЕНЗИЮ Г. А. РОМАНОВА¹

Каждый автор, публикуя свое сочинение, с надеждой или со страхом ждет появления откликов на него. Критическая оценка огорчает, но дает повод заново осмыслить материал. Но это касается рецензий, авторы которых внимательно читают рецензируемые статьи и потому могут обоснованно анализировать их содержание. Поскольку речь идет о научной работе, то и отклик предполагает научный анализ, содержащий новые материалы или новое видение проблемы. Таков обычный порядок рецензирования. В связи со сказанным меня несколько удивила критика моей статьи Г. А. Романовым, озвучившим одновременно позицию редколлегии журнала. Очень редко сейчас встречаются рецензии, основной постулат которых звучит так: предложенная тема либо не должна становиться предметом исследования, либо должна подаваться читателям только с позиций обличения. Поэтому я позволю себе представить некоторые соображения по поводу критических замечаний Г. А. Романова. Я, конечно, благодарна редакции, опубликовавшей статью несмотря на то, что ее содержание и выводы идут вразрез с позицией редакторов. При этом считаю, что публикация статей с разными точками зрения говорит в пользу журнала и его учредителей.

Но начну с того, что статья была подготовлена для научного журнала, концепция которого, согласно обоснованию главного редактора О. В. Кириченко, подразумевает изучение православия как особого феномена, в том числе народной православной культуры, не избегая при этом «сложных тем». Изложенная концепция предполагает также, что авторы журнала будут писать «научно о церковной культуре». Писать научно, насколько я понимаю, подразумевает разработку определенной темы на достоверных источниках и объективный анализ материала. Исходная концепция критики Г. А. Романова, определившей ее содержательную часть, – усматривание в статье апологетики народ-

ной паралитургической практики. Посмотрим, в чем же, собственно, усматривается апологетика и насколько аргументы рецензента соответствуют содержанию статьи.

Я понимаю желание автора рецензии защитить чистоту православия, взглянуть на ситуацию с точки зрения канонической Церкви (очевидно, канонов Церкви – *Ред.*), политика которой по отношению к ритуальной народной культуре всегда варьировала в диапазоне от неодобрения до активной борьбы. Сама по себе позиция рецензента, стремящегося защитить каноническое православие от искажений, вызывает уважение. Однако ригористичное следование подобной позиции содержит угрозу оставления многих аспектов народной религиозной, достаточно противоречивой, культуры вне этнологических исследований. Стремление Церкви удерживать народную религиозную культуру в рамках канона понятно, однако священнослужители как раньше, так и сейчас понимают, что внецерковная мирская ритуальная практика – это явление повсеместное, представляющее собой результат осмысления народом церковных постулатов, вписанных в общую систему мировоззренческих и этических представлений православного народа. Большинство ритуальных актов не содержат искажения канонического учения, требующего вмешательства пастыря. Более того, многие священнослужители понимали и понимают, что внецерковные обрядово-праздничные традиции являются одним из ярких проявлений этничности. Не могу согласиться с тем, что изучение конкретной религиозной практики с приведением данных и попытками понять ее историю и содержание является одновременно ее апологетикой. Как следует из слов рецензента, выбирая оптику исследования, автор должен ориентироваться единственно на положительную рефлексию церкви, что исключает возможность беспристрастного изучения, в основе которого – концепция достоверности данных и их анализ. Принцип изъятия из научных исследований той массы религиозных проявлений, которую церковь однозначно относит к вредным суевериям, порожденным религиозной неграмотностью народа, боязнь их обнародования и осмысления таит опасность выхолащивания народной религиозной культуры. В то же время этнологические исследования конкретных явлений могут помочь церкви в определении основных векторов взаимодействия с религиозностью народа и путей его катехизации.

Таковы мои представления о принципах репрезентации религиозной тематики в научных изданиях. Конкретно к моей статье оценка разных возможностей освещения народной ритуальной культуры

относится лишь отчасти, поскольку, как сказано во вступительной части статьи, в фокусе исследования – церковная ритуалистика.

Статья посвящена одному из вариантов церковной организации 40-го дня после смерти, имеющего особое значение в православном учении, как времени окончательного отправления души в иной мир. В ней приводится конкретный материал, анализируется соотношение ритуальных действий, совершаемых священником и мирянами, с основными литургическими актами православной церкви. Это сопоставление позволяет говорить о логичности построения не характерных для московской традиции обрядовых актов в контексте видения церковью и мирянами происходящих в это время мистических движений души умершего. Приведенные материалы дают представление о функционировании особого, мало изученного феномена – церковного обычая, приобретающего в ряде случаев народно-церковный характер.

В своем отклике на рецензию Романова, я выделяю несколько пунктов.

1. Я не очень поняла, с какой «оценкой» представленного материала не согласен Г. А. Романов. В мою задачу входило озвучивание нового для этнологии православия материала с определением места описываемого обычая в православном богослужении, не давая при этом какой-либо религиозно-этической оценки или определения степени его легитимности с точки зрения церкви. Один из упреков Г. А. Романова в адрес автора статьи – это допущение у народа «права выражать свою религиозность, имитируя священно-обрядовые богослужебные» акты, в такой позиции он видит «проявление вечной беды интеллигенции». Не знаю, на чем основаны «нападки» на интеллигенцию, превратившиеся в своего рода традицию для околоцерковных лиц, полагающих себя единоличными защитниками православия. Но удивило меня другое. Пожалуй, я первый раз столкнулась с оптикой изучения народной культуры с позиции определения ее правомочности. Как мне кажется, в этнологическом исследовании может быть показана ошибочность интерпретации народом своих религиозных традиций как канонически православных. Но народная культура – это действительно стихия, проявления которой мы можем изучать и анализировать, но не рассматривать их право на существование. В противном случае можно говорить о вмешательстве в традиции извне, что противоречит профессиональной этике этнологии.

2. Насколько я поняла, особое возмущение Г. А. Романова вызывает присутствие чина панагии – особого священнодействия, посвященного Богородице, в поминальных актах 40-го дня. Включение

церковного обряда в канву ритуальных действий, в которых принимают участие и миряне, расценивается им как совершение народных паралитургических акций, искажающих богослужебные каноны. Стремление подчеркнуть кощунственность ритуальной практики приводит рецензента к намеренному искажению приведенных в статье фактов. Собственно, само сакральное действие, то есть изъятие частицы из просфоры или хлеба, совершается, в основном, в храме, и, что не раз подчеркивается в тексте статьи, исполняет его *исключительно священник*, а не мирянин. Причем речь идет о богослужении в украинских и белорусских храмах, входящих в Московскую патриархию. Эти обстоятельства не позволяют характеризовать данную ритуальную практику как народную паралитургическую традицию. Переключки отдельных элементов поминального ритуала с ритуальными особенностями литургии являются не искажением церковного священнодействия, а их рецепцией, подтверждением влияния канонического православия на народную религиозность. Отнести к народной паралитургике можно лишь один приведенный в статье пример из Рязанской обл., не включающий чин панагии.

3. В статье речь идет о территории, где религиозные традиции, в том числе церковные, могли иметь специфику в силу особой этноконфессиональной истории. Судя по XIX в., чин панагии получил широкое распространение в религиозной, в том числе обрядовой жизни белорусов, что может объяснять и его включение в церковное поминание. Но отличия от московской традиции, где он входил лишь в состав монастырской практики, не означают еще отхода от православия или искажения его сущности. Возникновение и содержание обычаев включения церковных практик в мирской обиход требуют, на мой взгляд, не однозначного осуждения, а изучения их места в общей картине религиозности населения.

4. Автор рецензии справедливо указывает на конфессиональные особенности региона, однако допускает при этом существенные ошибки. Уния, как особое направление христианства, возникла не после Люблинской унии, а после Брестского церковного договора в 1596 г. И что особенно важно для понимания роли униатства в этнической и религиозной истории белорусов, богослужение проводилось изначально на церковнославянском и/или старобелорусском языке, *но не на латыни*, как о том пишет Г. А. Романов. Сохранение языка было одной из причин безболезненного возврата униатов в православие в последующем.

5. Вызывает недоумение фраза рецензента: «в 1686 г. православие вернулось на белорусско-украинские земли». Если иметь в виду Черниговщину, к

которой относились современные районы юго-запада Брянщины, то оттуда православие никогда не уходило. Что касается белорусских земель, то присоединение Киевской митрополии в 1686 г. к Москве мало что изменило в конфессиональном составе населения. В XVIII в. униатство оставалось основной религией белорусов, к нему принадлежало приблизительно 70% населения (80% крестьян), на долю православных приходилось лишь 6%. Возврат белорусов в православие активизировался лишь после 30-х годов XIX в. Тем больший интерес для нас, с точки зрения возникновения религиозных обычаев, представляет тот факт, что на соседних территориях с разной конфессиональной принадлежностью (до XIX в.) появились идентичные церковные традиции. Данная этнокультурная специфика может объясняться использованием одних и тех же требников, функционирующих в границах Киевской митрополии. Не следует исключать и значение этнической принадлежности населения: жителей юго-восточной части Черниговщины (часть которой отошла к Брянской обл.), дореволюционные источники характеризовали как литвинов, то есть белорусов.

5. К сожалению, у нас очень мало данных о народной религиозной культуре белорусов периода униатства. Поэтому утверждение рецензента о том, что в среде униатов существовали обряды, «имитировавшие православную церковную жизнь», желательно пояснить ссылками на источники.

6. В «минус» приведенной традиции, правомочности ее существования и тем более изучения рецензентом приводятся взятые из статьи примеры вариантов ритуального исполнения поминания, показывающие отсутствие их единообразия. Однако рецензент не учитывает два важных обстоятельства. Во-первых, вернакулярная форма существования обычна для традиционной обрядовой культуры, притом, что в описываемом поминании обозначенные отличия не касаются основного сакрального акта – изъятия священником частицы из просфоры (хлеба). Во-вторых, дореволюционные данные хотя и показательны, но малочисленны, а полевые материалы дают картину традиции, прошедшей советское бесцерковное время, что могло усугубить наличие местных особенностей и включенность мирских инициатив при едином функциональном назначении ритуальных действий. Для нас важно то, что традиция существовала и отчасти входит в современную церковную практику. Что требует, на мой взгляд, продолжения изучения как данной традиции, так и всех форм религиозной жизни, которые могут присутствовать в пространстве православной цивилизации.

Т. А. Листова

ОТВЕТ НА ОТКЛИК Т. А. ЛИСТОВОЙ ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ НА ЕЕ СТАТЬЮ

В связи с недопониманием точки зрения редакции автором статьи и частью читателей мы возвращаемся к теме. Позиция журнала должна быть ясной. В отличие от советских времен у редакции нет запрещенных тем для исследований, но, чтобы не ставить читателей в замешательство из-за сомнений в ее безыдейности, редакция и в дальнейшем планирует разъяснять свою точку зрения, когда это требуется. При этом очевидные оценки авторами сложных проявлений народной религиозности, например, исследования жизни заблудших в вере, где автор показывает их как сектантов, не требует дополнительных разъяснений.

Редакция благодарна опытнейшему этнографу Т. А. Листовой за квалифицированное обращение к сложной и исключительно важной теме народных паралитургических практик. Мы надеемся, что статья стала лишь прелюдией к дальнейшему всестороннему изучению связанных с паралитургией явлений и традиций. Почему это важно? Подобные народные практики дали начало многим отличным от старообрядческих духовным стихам, поэтическим пересказам богослужебных образов, духовным песнопениям в миру и многим внецерковным религиозным обычаям и обрядам. Если до XVIII в. паралитургические практики были локализованы в украинских, белорусских и польских губерниях Российской империи, то с XVIII по XXI вв. разнообразное их влияние на народно-церковную жизнь приобрело всероссийский характер. К примеру, 6 января 2023 г. местный телеканал г. Ноябрьска «Мегаполис» сообщал, что в храмах Югры запретили исполнение праздничных песнопений народного происхождения, что вызвало жалобы в СМИ со стороны жителей.

Неожиданное влияние паралитургии мы находим в истории больших крестных ходов XVIII–XIX вв. на Русском Севере. Во время крестных ходов нищим подавали милостыню. Чтобы привлечь к себе внимание, нищие собирались группами либо перед ходом, либо сбоку шествия и хором исполняли песнопения духовного содержания, происходившие из этого источника. Народные песнопения в Вологодской и Костромской губерниях носили название *стихов*, а в Вятской – *пропевов*. Особенно отличались нищие села Сунское Нолинского у. во время Низового хода с Великолукским чудотворным образом. Тексты записывали Ф. М. Истомин, С. М. Ляпунов, братья Соколовы и другие этнографы. В начале XX в. Святейший Синод запретил использование неканонических духовных стихов в крестных ходах. Священникам и организаторам

предписывалось пресекать незаконные песнопения во время молитвенных шествий, что постепенно привело к исчезновению жанра песнопений нищей братии.

Научные исследования религиозных проявлений, вызванных недопониманием допустимого в православии, служат для объяснения, а не для оправдания народного творчества. Хотя и последнее бывает необходимо! Приводимая в исследованиях положительная или негативная оценка Церкви обязательна для изучения народной православной культуры. Она не мешает попыткам понять историю и содержание обрядов и обычаев. Наоборот, приводимые оценки наводят порядок, дают читателю прочную, твердую «точку опоры». В исследованиях народной православной культуры нельзя избегать негативных оценок, если стихия переступает грань церковного.

В XIX в. зарождающаяся интеллигенция выступала за приоритет стихийного над каноническим, что впоследствии привело к оправданию всей народной стихии. Интеллигенция поддерживала народную самодеятельность, прикрываясь лозунгом,

что «народ всегда прав». Такой подход утвердился в советской исторической науке и продержался до 1990-х годов.

Толчок для создания паралитургических практик, скорее всего, был дан в XVI в. в тех уездах, где под влиянием католичества вводилось латинское богослужение для православных. Потом паралитургические практики распространились и среди православного населения уездов, где богослужение проводили на старобелорусском языке, а затем губерний, где поддерживалось богослужение на церковнославянском языке.

Что же касается описанного в статье Т. А. Листовой сакрального действия изъятия хлебной частицы, то исследователь сообщает, что абсолютное большинство священников категорически отказывалось участвовать в неканоническом обряде. Однако, как следует из текста, обряд в этих областях сохранялся и выполнялся. Кто же там осуществлял изъятие частиц?

Редакция надеется, что тема изучения паралитургических практик будет продолжена Татьяной Александровной или ее учениками.

Г. А. Романов

Примечания

¹ Текст печатается в авторской редакции.

Научная литература

Знаменский П. В. История Русской Церкви. М.: Изд. Крутицкого патриаршего подворья, 1996.

Листова Т. А. Логика формирования народно-церковных обычаев: чин пангии в современном поминании сорокового дня (российско-белорусско-украинское пограничье) // Традиции и современность. 2023. № 33. С. 54–67.

Романов Г. А. Рецензия на статью: Листова Т. А. Логика формирования народно-церковных обычаев: чин пангии в современном поминании сорокового дня (российско-белорусско-украинское пограничье) в журнале «Традиции и современность». 2023. № 33. С. 54–67 // Традиции и современность. 2023. № 33. С. 99–102.

Тальберг Н. История Русской Церкви в 2-х томах. Т. 2. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994.

Уманец С. И. В Кахетии // Исторический вестник. 1904. Т. 97. Июль–август. С. 226–227, 230–231.

References

Znamenskii, P. V. 1996. *Istoriya Russkoi Tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow: Izdanie Krutitskogo patriarshogo podvor'ya.

Listova, T. A. 2023. *Logika formirovaniya narodno-tserkovnykh obychaev: chin panagii v sovremennom pominianii sorokovogo dnya (rossiisko-belorusko ukrainskoe pogranich'e)* [The logic of the formation of national church customs. The ceremony of lifting panagia in the modern commemoration of the 40th day (Russian-Belarusian-Ukrainian border)]. *Traditsii i sovremennost'* 33: 54–67.

Romanov, G. A. 2023. *Retsenziya na stat'yu: Listova T. A. Logika formirovaniya narodno-tserkovnykh obychaev: chin panagii v sovremennom pominianii sorokovogo dnya (rossiisko-belorusko ukrainskoe pogranich'e) v zhurnale «Traditsii i sovremennost'»*. 2023. № 33. S. 54–67 [Review of: Listova T. A. 2023. The logic of the formation of national church customs. The ceremony of lifting panagia in the modern commemoration of the 40th day (Russian-Belarusian-Ukrainian border). *Traditsii i sovremennost'* 33: 54–67]. *Traditsii i sovremennost'* 33: 99–102.

Tal'berg, N. 1994. *Istoriya Russkoi Tserkvi v dvukh tomakh* [History of the Russian Church in two volumes]. Vol. 2. Izdanie Svyato-Uspenskogo Pskovo-Pecherskogo monastyr'a.

Umanets, S. I. 1904. *V Kakhetii* [In Kakheti]. *Istoricheskii vestnik* Vol. 97. Iyul'–avgust: 226–227, 230–231.

DISPUTE ABOUT FOLK PARALITURGICS

Abstract. We place here two texts written as a response to the article by T. A. Listova «The logic of the formation of folk church customs: the rite of panagia in the modern commemoration of the fortieth day (Russian-Belarusian Ukrainian borderland)» and a review of this article by G. A. Romanov, published in the 33rd issue of the journal «Traditions and Modernity» for 2023. Since neither the author nor the reviewer were satisfied with the response to the position they expressed, it was necessary to continue the dispute on the specific provisions of the article by T. A. Listova and the review by G. A. Romanov.

Keywords: Orthodoxy, canon, custom, panagia, remembrance, soul, reception, ritual, paraliturgical folk practice, rite of panagia, Uniatism, distortion of the Orthodox tradition, Russian-Belarusian-Ukrainian borderland.

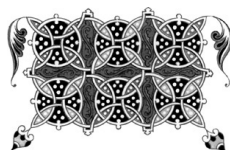
Authors Info: Listova, Tatjana A. – Ph. D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: listova.ta@mail.ru

Authors Info: Romanov, Grigory A. – Ph. D. in History, Deputy Editor-in-Chief of the Scientific Orthodox Journal «Traditions and Modernity» («*Traditsii i sovremennost*») (Moscow, Russian Federation). E-mail: grirom@list.ru

Authors Info: Kirichenko, Oleg V. – Dr. of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

For citation: Listova, T. A. and G. A. Romanov, O. V. Kirichenko. 2023. Dispute about folk paraliturgics. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 35: 95–101

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ с ЮБИЛЕЕМ
кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника
Института этнологии и антропологии Российской академии наук
Татьяны Александровны ЛИСТОВОЙ

Дорогая Татьяна Александровна!

Сердечно поздравляем Вас с 80-летием! Мы ценим Вас как крупного ученого, талантливого исследователя, человека с живым и глубоким умом, имеющего большой авторитет, признанного специалиста-этнографа, этнолога и социального антрополога. Вы постоянно находитесь в творческом поиске, отчего темы Ваших авторских исследований отличаются оригинальностью и новизной, привлекают внимание других исследователей, особенно молодых. Вы сами прошли серьезную и фундаментальную школу, участь у таких известных ученых, как: Г. С. Маслова, Н. И. Лебедева, М. Г. Рабинович, В. А. Александров, М. М. Громько, С. Б. Рождественская, М. С. Шмелева, Л. А. Чижикова. До сего дня Вас отличает умение творчески, без усталости трудиться «в поле», умение собирать и использовать первичный этнографический материал, быть в курсе всего нового в этнологии и социальной антропологии. Удивителен тонус творческой активности, заставляющий Вас овладевать техническими навыками работы с компьютерами и средствами сетевой связи. Все это Вам доступно и активно используется в научной работе. Ваш научный инструментарий всегда современен.

Для ученого всегда важно не только опираться на достижения предыдущих поколений, но и выработать собственные пути и методы исследования, уметь ставить новые вопросы, быть первопроходцем в своей области. Одной из Ваших новых тем стали обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. И в этой области традиционной жизнедеятельности у русского народа Вы стали крупнейшим специалистом. Другим большим достижением стало исследование таких сюжетов православной культуры, как понимание души в народной традиции, представления о зарождении жизни, православный обряд создания семьи, вопросы покаяния, понимания религиозных суда и наказания, почитание Богородицы в русской среде, традиционной и современной. Огромный опыт полевой деятельности позволил Вам также параллельно с исследованиями по православию заниматься темой межэтнических русско-белорусских и русско-украинских контактов на смежной территории проживания.

Для коллег по Отделу этнологии русского народа, в котором Вы трудитесь с первых лет работы в ИЭА РАН, близки Ваши замечательные личные качества: внимание к другому человеку, доброта, юмор, умение быть неравнодушной, «душой коллектива», наконец, Ваша жизненная мудрость, которой Вы щедро делитесь и в научных обсуждениях, и в обыденной обстановке.

Мы желаем Вам сохранять душу молодой, оптимистичной, живо откликающейся на зов научной мысли, желаем здоровья и радости в кругу Вашей большой патриархальной семьи!

